

УДК 94(510) + 94(470 + 570) + 94(470)“1904/1905”

А. С. Титаренко

ПРЕДСТАВЛЕНИЯ О КИТАЕ В РУССКОМ НАРОДНОМ СОЗНАНИИ (ВТОРАЯ ПОЛОВИНА XIX – НАЧАЛО XX В.)

Статья посвящена проблеме создания образа Китая и китайцев в русском народном сознании во второй половине XIX – начале XX вв. Автор анализирует источники и факторы этого процесса, основные характерные черты образа Китая, роль этнических стереотипов в его структуре.

К л ю ч е в ы е с л о в а: образ Китая; китайский национальный характер; восстание ихэтуаней; русско-японская война; миф о русско-китайской дружбе; «желтая опасность».

На современном этапе Россия и Китай активно взаимодействуют в различных сферах государственной и общественной жизни. На фоне активных контактов двух стран актуальным является изучение истории взаимовосприятия. В нашем исследовании мы пытаемся проследить эволюцию в представлениях России о Китае. Представления о Китае в российском обществе бытовали в форме образов и стереотипов. Образ Другого – это сложная синтетическая категория, динамическая

система представлений и мнений, обладающая стереотипными и дифференцированными чертами, рациональными и эмоциональными компонентами [Голубев, Поршнева, с. 10–11]. Стереотип — упрощенное, весьма жесткое, устойчивое представление, являющееся частью образа. Часто стереотипы подменяют образ, особенно на уровне массового сознания.

Во второй половине XIX — начале XX вв. в связи с активизацией внешней политики в Дальневосточном регионе, усилением контактов между Россией и Китаем, в русском обществе формируется целый спектр представлений о Китае. Образ этой восточной страны складывался, прежде всего, у представителей образованной части общества: в среде государственных деятелей, военных, дипломатов, православного духовенства, ученых, российской интеллигенции.

Представления о Китае транслировались посредством правительственной пропаганды, распространения литературы о Китае в низовые слои российского общества. Безусловно, социальная стратификация населения России во второй половине XIX — начала XX вв. не укладывалась в юридически закрепленные сословия. Реформы 60–70-х гг. XIX в. в России привели к изменениям в экономической жизни основной части населения страны, в частности к формированию нового слоя городских жителей из числа переселенцев крестьянского происхождения. Непривилегированное население городов представляли также ремесленники, мелкие торговцы, наемные работники (формировался класс рабочих).

Сведения о Китае эти группы населения могли получать из различных источников. Известно, что крестьяне читали газеты, которые ходили по рукам и читались грамотными при большом многолюдстве, чаще всего в трактирах. О мировых событиях, важных событиях российской политики крестьяне узнавали также из проповеди священника.

Быстрый рост городского населения, становление его интересов, ориентация чтения на вопросы городской жизни, на легко читаемую и дешевую литературу вызвало появление и распространение множества специально для этого созданных изданий. Новая часть городских жителей осознавала чтение как насущную необходимость. Для распространения сведений о Китае для этих слоев городского населения в конце XIX — начале XX вв. выпускаются небольшие брошюры, рассказывающие о Китае, его политической, экономической жизни, быте и нравах населения. Для характеристики основ китайской государственной жизни создавались небольшие брошюры, представляющие собой компиляции трудов европейских и русских путешественников, знатоков Китая. Книжицы, посвященные бытовой жизни китайцев, были снабжены большим количеством иллюстраций, воспроизводящих в основном уличную жизнь китайских городов, имели небольшой текст, состоящий из простых предложений [Барсов; Маракуев; Селивановский; Фольбаум и др.].

Информацию черпали также из официальных документов. До городских, в ряде случаев и до сельских жителей доходили книги и брошюры благотворительных учреждений. Например, в 1901 г. вышла брошюра «Россия на Дальнем Востоке» — бесплатное народное издание Е. В. Богдановича, посвященное событиям

восстания ихэтуаней¹. В нем тщательно разъяснялось, что на «азиатском востоке», «в сопредельном с Россией Китае» разыгрались кровавые события, участником которых стала и Россия. В брошюре рассказывалось о движении «большого кулака», причиной восстания называлась «ненависть китайцев» к европейцам, вызванная «бесцеремонным хозяйничаньем» последних в Китае, неуважением их к «старым народным обычаям и верованиям китайцев», навязыванием христианской проповеди. При этом воспевалась роль российских военных [Россия на Дальнем Востоке, с. 9].

Знания о Китае и его жителях приобретались и на основе личного опыта. В 1858–1860 гг., вследствие заключения Айгунского, Тяньдзинского и Пекинского русско-китайских договоров, Россия частично решает проблему разграничения на восточной окраине. Согласно традиции присоединения новых территорий, российское правительство принимает решение о заселении границы. На российский Дальний Восток отправляются забайкальские казачьи войска для колонизации новых российских территорий. В 1890-е гг. в связи со строительством Великой Сибирской дороги, политикой С. Ю. Витте и П. А. Столыпина, названные регионы должны были наполнить переселенческие крестьяне из Центральной России. Таким образом, на территориях Сибири и Дальнего Востока русские встречаются с китайцами.

В конце XIX в., в связи с постройкой КВЖД, занятием Порт-Артура и Далиеня, увеличивается количество русских, посещающих Китай (строители, рабочие, техники, инженеры, конвойная охрана, регулярные войска). Русские люди знакомятся с Маньчжурией, частью Китая, с ее жителями. На этой же территории проходят и военные действия: в период восстания ихэтуаней (1898–1901) и в период Русско-японской войны (1904–1905). С китайской действительностью сталкиваются русские солдаты, которые в письмах к родным сообщают о событиях войны, новом и необычном. После окончания войн рассказы и воспоминания вернувшихся с войны солдат пользовались среди крестьян большим авторитетом [Громыко, Буганов, с. 435–436]. Таким путем выстраивалась картина не только минувших событий, но и сведения о других народах: «Господь Бог привел, однако, многим очевидцам и участникам тех же событий счастливо возвратиться домой. Они принесли с собой массу известий и рассказов захватывающего интереса о событиях в неведомых странах сказочного востока, о тамошних людях, живущих не так, как живут русские люди, с особой верой, особым обычаями, особой одеждой, пищей, жилищем и т. д. Все эти рассказы не могли не пробудить у простых русских людей живейшего интереса к тому, что произошло и что делается в Китае» [Россия на Дальнем Востоке, с. 6]. Крестьяне вообще испытывали интерес к войнам других государств, в конце XIX в., например, в Саранском уезде Пензенской губернии крестьяне знали о японо-китайской войне [Громыко, Буганов, с. 511].

---

¹ Восстание, организованное обществом Ихэтуань («Кулак во имя справедливости и согласия») против иностранного вмешательства в экономику, внутреннюю политику и религиозную жизнь Китая с 1898–1901 гг.

Все же для формирования в народном сознании отчетливого образа Китая информация о нем была недостаточна. Отсутствие устойчивого интереса большинства населения России к чужим народам и культурам подмечали современники. Неоднократно отмечалось, что крестьяне «к истории других народов относятся равнодушно и не любят слушать про них чтение» [Буганов, с. 171]. Другим фактором был небольшой уровень грамотности этой части населения России. Все эти обстоятельства привели к тому, что в российском массовом низовом сознании цельного образа Китая не сложилось, представления о соседней стране существовали в основном в форме стереотипов.

Какие представления существовали о Китае и китайцах в российском народном сознании? В первую очередь, формировались представления о китайском национальном характере. С позиций своих ценностных ориентаций русские выделяли важные для них нравственные качества. Среди положительных черт китайцев назывались: миролюбие, трудолюбие, выносливость, вежливость; среди отрицательных — трусость, хитрость, лживость, жажда наживы. Трудолюбие китайцев способствовало тому, что заамурские казаки часто женились на них, предварительно их окрестив: «Славные работницы — с ними мужу не умирать, а богатеть...» [Бурачек, с. 246]. Выделялись и вредные привычки китайцев: любовь к азартным играм, опиокурение; при этом подчеркивалось, что китайцы — известные трезвенники, у них отсутствует пристрастие к спиртным напиткам. В оценке одной и той же черты национального характера существовали оттенки. Миролюбие китайцев одобрялось, а невоинственность китайской нации высмеивалась. В театральной комедии «Война Федосьи Сидоровны с китайцами», которая шла в Александровском театре в 1850-е гг., а затем перешла в репертуар балаганов, перемещавшихся по России, Федосья Сидоровна разгоняла китайскую армию ухватом [Амфитеатров, с. 37]. Трусость китайцев, в особенности китайских солдат, всячески осуждалась русскими. Это объяснялось сопоставлением этического гетеростереотипа с автостереотипом (т. е. представлением о самих себе) русских, у которых, как было принято считать, миролюбие сочетается с храбростью и отвагой в сражениях.

Четких представлений о религии китайцев в низах русского общества не было. Но крестьяне знали, что китайцы «басурмане», т. е. не принадлежат к христианству. Часто китайцев считали единоверным народом, т. е. проповедующим одну религию, как правило, монотеистическую. Известно, что русские поселенцы Дальнего Востока были убеждены, что у их желтых соседей души вовсе нет, а имеется не то «пар», не то «черный дым» [Эриксон, с. 175]. Среди заамурских казаков бытовало мнение, что бог китайцев — огонь [Бурачек, с. 241].

В народной среде складывались представления и о китайском государстве. В 1880-х гг. группа учителей провела среди русских крестьян опрос с целью выяснить, каковы их знания о мире. Они обнаружили, что респонденты очень положительно относятся к Китаю. В ответах на вопросы, какая страна является самой сильной и самой богатой, в обоих случаях чаще всего упоминался Китай, оставив позади себя даже Россию. Крестьяне часто делали вывод о богатстве и могуществе Китая, потому что его император никогда не тратил свои ресурсы на войны,

в отличие от их собственного царя [Схиммельпенник ван дер Ойе, с. 145–146]. Большое количество чая, предметы роскоши, которые везли русские купцы из Китая, способствовали представлению об этой стране как одной из богатейших.

В народном сознании благодаря правительственной пропаганде, которая всячески поддерживала миф о русско-китайской дружбе, Китай рассматривался большинством русского населения как союзник России. А. Н. Энгельгардт в своих письмах из деревни описывает обсуждение крестьянами политических слухов вокруг Русско-турецкой войны 1877–1878 гг.:

— Толкуют вот, Китай за нас против англичанки подымается, только царь ему не верит — боится, как бы не обманул, на нас потом не повернул. А что в газетах про Китай пишут?

— Я ничего не читал.

— Толкуют, что Китай за нас подымается. Дай-то господи... — говорили крестьяне [Энгельгардт].

В этом примере отражается распространение в русском обществе на рубеже XIX–XX вв. внешнеполитических стереотипов. В частности, стереотипа русско-китайской дружбы, вместе с которым перенимается, в данном случае крестьянами, осторожное, подозрительное отношение русских властей к китайскому правительству.

Стереотип «китайской угрозы», или «желтой опасности», имевший широкое хождение у представителей интеллектуальной элиты русского общества, существовал и в народном сознании, по крайней мере, он присутствовал у жителей российского Дальнего Востока. В русском обществе сложился целый комплекс представлений о «желтой опасности», существовало несколько пластов, взглядов на проблему: глобальный, в духе пророчества о борьбе белой и желтой рас; геополитический, когда предметом опасности выступали конкретные государства: экспансионистская Япония и «просыпающийся Китай», угрожающие конкретным интересам России на Дальнем Востоке, что отражалось в представлениях о «беспокойной границе» — опасениях по поводу наплыва китайских поселенцев в пределы российских территорий. Именно в этом ракурсе проблема существовала в сознании низовых слоев русского общества. Широко известно, что одной из причин отъезда переселенческих крестьян из Приамурья была высокая конкуренция со стороны китайских земледельцев и рабочих. Историк А. В. Лукин упоминает о довольно распространенной поговорке «Как пойдет Китай, сохи, бороны кидай», очевидно, первоначально распространившейся среди крестьян Сибири и Дальнего Востока [Лукин, с. 142]. Рабочие, добывающие золото в долине р. Кары в Сибири были расстроены засильем там китайских кули: «Нынче нет ходу нашему брату. Китая сбила, заполонила,дохнуть не дает, ложись да помирай... И подрядчики, и начальство на их стороне... а мы, значит, в отставку, как бы бракованы» [Матвеев, с. 35].

Население Сибири и Дальнего Востока, переселенческие крестьяне постоянно соседствуют с многочисленными выходцами из Китая, которые именуются *ман-зами* («бродяга», «беглый»). Видимо из-за постоянной конкуренции с китайцами

русские нередко называли последних пренебрежительными словами *ходя, китаюза, купеза* [Матвеев, с. 35]. Об отношении к китайцам русских крестьян и солдат из числа жителей этих регионов много писали в российской печати. В частности, художник Н. В. Кравченко на страницах «Нового времени» с мая по ноябрь 1902 г. помещал свои путевые заметки. Он указывал, что в русских городах Дальнего Востока только и говорили о том, что простонародье из числа русских относится к китайцам как к чему-то такому, что хуже животного. «Один полковник, проживший в этих краях два года, говорил, что его няня, умная, религиозная русская баба, долгое время не признавала китайских мальчиков, которых здесь берут вместо лакеев, за людей и отказывалась есть с ними из одной посуды, с одного стола. Бою (так называют здесь этих прислуживающих мальчишек-китайцев) пришлось купить особую посуду и давать есть отдельно» [Кравченко, с. 17–18]. Хирург Е. Павлов в воспоминаниях о Русско-японской войне писал, что среди сибиряков (русских солдат) убийство китайца как будто и не считается преступлением, несмотря на наказание, отбываемое по приговору суда [Павлов, с. 201]. Общественный деятель, писатель Н. П. Матвеев упоминал, что «щелкнуть “ходя” в лоб, дернуть его за косу, дать ему “подножку”, хорошего “тумака” — все это было допустимо, сходило совершенно безнаказанно и делалось так просто, любя, шутки ради <...> Обратить, ограбить «ходя» среди бела дня, «укокошить» его считалось делом пустяковым, совсем безгрешным, все равно что зарезать барашка и всякий ответ за него казался сущей бессмыслицей» [Матвеев, с. 30]. Вот типичные рассуждения солдата, служившего на Дальнем Востоке: «что за народ китаец этот: пока не прибьешь — и чванится, будто невесть какой большой, а как двинешь его хорошенько — сейчас и пардона просит. Стоит ли с ним, как с человеком обходиться» [Бурачек, с. 241]. Мы видим типичное проявление этноцентризма, свойственного традиционному сознанию большинства народов. Особенности культуры и быта китайцев были слишком отличны от русских, поэтому считались «неполноценными», а китайский народ «менее развитым».

Сближение с Китаем и стремление России усилить влияние в этом регионе обусловило поддержку этой страны в мирное и военное время, что проявлялось, в частности, в покровительственном отношении русских к китайцам. Во время военных столкновений 1898–1900 гг., а также в период Русско-японской войны с китайцами знакомятся и солдаты, выходящие из Центральной России. Они чаще всего выступают защитниками китайских мирных жителей от хунхузов (китайских разбойников) и японцев. Солдатам приходилось довольно длительное время жить на позициях с китайцами «бок о бок». Налаживались даже какие-то личные отношения — солдаты «приручали» китайских детишек. Так, известно, что одного китайского мальчика приютила третья рота охранной стражи. Его взял к себе на попечение солдат Бондаренко [Воспоминания вольноопределяющегося Ходзынского, с. 152]. Солдаты старались вести себя в отношении китайцев «гуманно», насколько это позволяли условия войны [Жукова, с. 268–269]. Вольноопределяющийся Ходзынский упоминал о голодающих китайцах: «Каждый день, во время обеда, вокруг нас толпились голодные китайцы, которые с жадностью вырывали

хлеб или кашу друг у друга» [Воспоминания вольноопределяющегося Ходзынского, с. 152]. Милостыню, по словам солдат, подавали только русские, европейцы считали это унижительным и смотрели на подающих презрительно. Дружественная позиция России и соседство двух народов обуславливали взаимный интерес русских и китайцев к образу жизни друг друга. Отец Митрофан Сребрянский отмечал любопытство китайцев, порой докучливое и досадное для уставших солдат, но воспринимаемое последними с пониманием и юмором [Митрофан Сребрянский].

В российском обществе был распространен стереотип об особых отношениях, сложившихся между китайцами и русскими. Чаще всего эту особенность выделяли посредством сравнения взаимоотношений китайцев с русскими и европейцами: «китайцы народ смиренный, очень смиренный. И этой смиренностью их пользовались англичане и немцы; их священники обращали китайцев силой в христианство, и кто не хотел, того жестоко наказывали... И стали китайцы различать: русский — свой человек, хороший и европеец — худой человек. И невзлюбили они европейцев — англичан, французов и немцев» [Краснов, с. 6–7], — писал солдат, служивший в Порт-Артуре.

В русско-китайской среде возник свой особый язык, чаще о нем говорили, как о русско-китайском диалекте или жаргоне. В этот язык вошли русские слова на китайский лад и чисто китайские: *ломаило* ‘болезнь, убыток’ от рус. *ломать*, *кули-кули* ‘курить’, *леба* ‘хлеб, пицца’, *ханишин* ‘водка’, *контрами* ‘убить’, *пилюли* ‘выстрел, удар’, *кушь-кушь* ‘есть’, *моя* ‘я’, *твоя* ‘ты’, *шанго* ‘хорошо’, *худо есть* ‘плохо’, *кохонди* ‘работать’, *иго солнце* ‘один день’, *сахле* ‘сахар’, *машинка* ‘обманщик’, *шибко* ‘очень’, *ходя* и *знаком* ‘друг’, *капетана* ‘офицер, чиновник’, *цубо* ‘поди прочь’; остальное дополнялось обоюдной выразительнейшей мимикой [Митрофан Сребрянский].

Таким образом, к началу XX в. актуализируется русско-китайское взаимодействие и расширяются источники информации о Китае, которые становятся доступны низовым слоям российского общества. Опыт непосредственных русско-китайских контактов в ходе освоения дальневосточных и сопредельных азиатских территорий, военных кампаний способствует формированию образа Китая в сознании не только образованных, но и массовых слоев российского общества. При этом основу этого образа в силу специфики народного сознания составляют этнические стереотипы. Но традиционное сознание трансформируется под влиянием модернизации, в образованной среде русского общества складываются внешнеполитические стереотипы, которые воспринимаются и низами общества.

Амфитеатров А. В. О китайцах, бурах, Льве Толстом и прочих недоумениях // Амфитеатров А. В., Дорошевич В. М. Китайский вопрос. М., 1901. С. 36–64. [Amfiteatrov A. V. O kitajcah, burah, L'v'e Tolstom i prochih nedoumeniyah // Amfiteatrov A. V., Doroshevich V. M. Kitajskij vopros. M., 1901. S. 36–64.]

Барсов К. Китай и китайцы. М., 1905. 48 с. [Barsov K. Kitaj i kitajcy. M., 1905. 48 s.]

Буганов А. В. Русская история в памяти крестьян XIX века и национальное самосознание. М., 1992. 207 с. [Buganov A. V. Russkaya istoriya v pamyati krest'yan XIX veka i nacional'noe samosoznanie. M., 1992. 207 s.]

Бурачек Е. С. Воспоминания заамурского моряка. Жизнь во Владивостоке // Морской сборник. 1865. № 10. С. 226–262. [Burachek E. S. Vospominaniya zaamurskogo moryaka. Zhizn' vo Vladivostoke // Morskoy sbornik. 1865. № 10. S. 226–262.]

Воспоминания вольноопределяющегося Хондзынского // Верещагин А. На войне. Рассказы очевидцев. 1900–1901 г. СПб., 1902. С. 145–179. [Vospominaniya vol'noopredelyayushchegosya Hondzynskogo // Vereshchagin A. Na vojne. Rasskazy ochevidcev. 1900–1901 g. SPb., 1902. S. 145–179.]

Голубев А. В., Поршнева О. С. Образ союзника в сознании российского общества в контексте мировых войн. М., 2011. 392 с. [Golubev A. V., Porshneva O. S. Obraz soyuznika v soznanii rossijskogo obshchestva v kontekste mirovyh vojn. M., 2011. 392 s.]

Громыко М. М., Буганов А. В. О воззрениях русского народа. М., 2000. 544 с. [Gromyko M. M., Buganov A. V. O vozreniyah russkogo naroda. M., 2000. 544 s.]

Жукова Л. В. Формирование «образа врага» в русско-японской войне 1904–1905 гг. // Военно-историческая антропология. Ежегодник, 2003/2004. Новые научные направления. М., 2005. С. 259–275. [Zhukova L. V. Formirovanie «obrazha vraga» v russko-yaponskoj vojne 1904–1905 gg. // Voenno-istoricheskaya antropologiya. Ezhegodnik, 2003/2004. Novye nauchnye napravleniya. M., 2005. S. 259–275.]

Кравченко Н. В Китай! Путевые наброски художника. СПб., 1904. 220 с. [Kravchenko N. V Kitaj! Putevye nabroski hudozhnika. SPb., 1904. 220 s.]

Краснов П. Н. Борьба с Китаем. Популярный очерк столкновения России с Китаем в 1901 г. СПб., 1901. 126 с. [Krasnov P. N. Bor'ba s Kitaem. Populyarnyj ocherk stolknoveniya Rossii s Kitaem v 1901 g. SPb., 1901. 126 s.]

Лукин А. В. Медведь наблюдает за драконом. Образ Китая в России в XVII–XX веках. М., 2007. 598 с. [Lukin A. V. Medved' nablyudaet za drakonom. Obraz Kitaya v Rossii v XVII–XX vekah. M., 2007. 598 s.]

Маракуев В. Н. Наши азиатские соседи китайцы (сост. по Р. Дугласу, Симону, Э. Реклю, Леггу и др.). Одесса, 1896. 190 с. [Marakuev V. N. Nashi aziatskie sosedi kitajcy (sost. po R. Duglasu, Simonu, Eh. Reklju, Leggu i dr.). Odessa, 1896. 190 s.]

Матвеев Н. Китайцы на Карийских промыслах // Русское богатство. 1911. № 12. С. 31–43. [Matveev N. Kitajcy na Karijskih promyslah // Russkoe bogatstvo. 1911. № 12. S. 31–43.]

Митрофан Сребрянский. Дневник полкового священника, служащего на Дальнем Востоке [Электронный ресурс] // Сайт Синодального Отдела Московского Патриархата по взаимодействию с Вооруженными Силами и правоохранительными учреждениями. URL: www.pobeda.ru/content/view/2944 (дата обращения: 25.01.2013). [Mitrofan Srebryanskij. Dnevnik polkovogo svyashchennika, sluzhashchego na Dal'nem Vostoke [Elektronnyj resurs] // Sajt Sinodal'nogo Otdela Moskovskogo Patriarhata po vzaimodejstviju s Vooruzhennymi Silami i pravoohranitel'nymi uchrezhdeniyami. URL: www.pobeda.ru/content/view/2944 (data obrashcheniya: 25.01.2013).]

Павлов Е. На Дальнем Востоке в 1905 году. СПб., 1907. 510 с. [Pavlov E. Na Dal'nem Vostoke v 1905 godu. SPb., 1907. 510 s.]

Россия на Дальнем Востоке. СПб., 1901. 79 с. [Rossiya na Dal'nem Vostoke. SPb., 1901. 79 s.]

Селивановский И. П. Как живут и работают китайцы. М., 1904. 80 с. [Selivanovskij I. P. Kak zhivut i rabotayut kitajcy. M., 1904. 80 s.]

Схimmel'енник ван дер Ойе Д. Навстречу Восходящему солнцу: как имперское мифотворчество привело Россию к войне с Японией. М., 2009. 421 с. [Skhimmel'ennik van der Oje D. Navstrechu Voskhodyashchemu solncu: kak imperskoe mifotvorchestvo privelo Rossiyu k vojne s Yaponiej. M., 2009. 421 s.]

Фольбаум Н. Китай и китайцы. М., 1911. 52 с. [Fol'baum N. Kitaj i kitajcy. M., 1911. 52 s.]

Энгельгардт А. Н. Письма из деревни. Письмо шестое [Электронный ресурс] // Сайт исторического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова. URL: <http://www.hist.msu.ru/ER/Etext/ENGLGRDT/06.htm> (дата обращения: 13.11.2012). [Ehngel'gardt A. N. Pis'ma iz derevni. Pis'mo shestoe [Elektronnyj resurs] // Sajt istoricheskogo fakul'teta MGU im. M. V. Lomonosova. URL: <http://www.hist.msu.ru/ER/Etext/ENGLGRDT/06.htm> (data obrashcheniya: 13.11.2012).]

Эриксон Э. В. Китайцы как самостоятельная раса. По личным наблюдениям // Вестн. Европы. 1905. № 1. С. 174–211. [Ehrikson Eh. V. Kitajcy kak samostoyatel'naya rasa. Po lichnym nablyudeniyam // Vestn. Evropy. 1905. № 1. S. 174–211.]

Статья поступила в редакцию 27.12.2013 г.